

Содержание

ISSN 2587-8190

Ольга Докучаева. Мотив ограниченного знания в Стихе о Голубиной книге и в «Луцидариусе»	245
Дарья Трушина. «Родословная» сатира в «Недоросле» Д. И. Фонвизина и ее традиция в европейской литературе	256
Екатерина Лямина, Наталья Самовер. «Первые и последние стихи французские». Крылов — читатель маркиза де Кюстина.....	269
Анастасия Рожкова. Фольклорный и реальный комментарии к стихотворениям на былинные сюжеты А. К. Толстого «Змей Тугарин», «Илья Муромец» и «Алеша Попович»	281
Ольга Макаревич. Эффект бабочки, или Об одном сравнении в романе И. А. Гончарова «Обрыв»	293
Ангелина Балабаева. Личность и поэзия А. С. Пушкина в контексте литературно-критических работ Вл. С. Соловьева о русской поэзии	312
Анастасия Полумордвинова. Образ Сверхчеловека в творчестве В. Я. Брюсова: От гениальности к сумасшествию. <i>На материале ранней прозы и романа «Огненный ангел»</i>	330
Дмитрий Цыганов. Сталинская премия в системе литературного производства 1940-х — начала 1950-х годов. <i>Институциональный контекст формирования соцреалистического канона</i>	347
Евгения Ковалева. Петербургский текст в лирике Виктора Кривулина 1960-х годов	371
Екатерина Буханова. Элементы рецепции античных менипшей в повести А. Битова «Ожидание обезьян»	388
Указатель имен	409
Содержание семнадцатого тома	425

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),

А. Ю. Балакин, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.

Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2021 XVIII (3-4)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2021 (3-4)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лапо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Издано с использованием гранта Президента Российской Федерации,
предоставленного Фондом президентских грантов.

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2021
© «Летняя школа по русской литературе», 2021

Contents

Olga Dokuchaeva. The motive of limited knowledge in The Poem about Golubinaja kniga and <i>Lucidarius</i>	245
Darya Trushina. Pedigree satire in The Minor by D. I. Fonvizin and its tradition in European literature	256
Ekaterina Lyamina, Natalia Samover. <i>First and last French verses.</i> Ivan Krylov reads Marquis de Custine	269
Anastasia Rozhkova. Folklore and real comments on the poems on the epic plots by A. K. Tolstoy <i>The Serpent Tugarin, Ilya Muromets</i> and <i>Alyosha Popovich</i>	281
Olga Makarevich. The butterfly effect, or About one comparison in I. A. Goncharov's novel <i>The precipice</i>	293
Angelina Balabaeva. Alexander Pushkin and his poems in the context of Vl. Solovyov's literary criticism about Russian poetry	312
Anastasia Polumordvinova. The image of the Superman in the work of V. Ya. Bryusov: <i>From genius to madness</i> (Based on the material of early prose and the novel <i>The Fiery Angel</i>)	330
Dmitry Tsyganov. Stalin's Prize in the system of the literary process in 1940s — early 1950s. <i>The formation of the socialist realist canon in the institutional context</i>	347
Evgeniya Kovaleva. The St. Petersburg text in the poetry of Viktor Krivulin of the 1960s	371
Ekaterina Bukhanova. Elements of the reception of the ancient <i>menippeas</i> in the novel by A. Bitov <i>The Monkey Link</i>	388
Index	409
Content of the volume	425

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Alexey Balakin, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ЕКАТЕРИНА ЛЯМИНА

(Москва)

НАТАЛЬЯ САМОВЕР

(Москва)

«ПЕРВЫЕ И ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ ФРАНЦУЗСКИЕ»

Крылов — читатель маркиза де Кюстина

В статье вводится в исследовательский оборот неопубликованное письмо И. А. Крылова его близкому знакомому Я. И. Ростовцеву, суммирующее впечатления от знакомства с книгой А. де Кюстина «*La Russie en 1839*». Этот отзыв, включающий сочиненное баснописцем французское двустишие, далее рассмотрен в нескольких контекстах: раннее восприятие в России сочинения Кюстина, истории отношения Крылова к Франции, ее культуре и языку, а также его эпиграмматического творчества.

Ключевые слова: И. А. Крылов, А. де Кюстин, «*La Russie en 1839*», французские стихотворения русских авторов, эпиграмма.

Об авторах: Екатерина Эдуардовна Лямина, кандидат филологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Москва, Россия.

E-mail: catherine.lyamina@gmail.com

Наталья Владимировна Самовер, независимый исследователь. Москва, Россия.

E-mail: nsamover@yandex.ru

«First and last French verses»

Ivan Krylov reads Marquis de Custine

The article represents the text of an unpublished letter of I. A. Krylov addressed to his close friend Iakov Rostovtsev, resuming the impressions of reading Custine's *La Russie en 1839*. French epigram composed by Krylov is discussed in the article in numerous contexts, such as early reception of Custine's book in Russia, history of Krylov's views on France, French language and culture, his epigrammatic poems.

Key words: Ivan Krylov, Astolphe de Custine, *La Russie en 1839*, French verses of Russian poets, epigram.

About the authors: Ekaterina Lyamina, Professor at National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia.

E-mail: catherine.lyamina@gmail.com

Natalia Samover, independent scholar. Moscow, Russia.

E-mail: nsamover@yandex.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2021-17-3-4-269-280

Отношение И. А. Крылова к французской культуре в целом — к языку, «национальному духу», литературе Франции, а также к восприятию французами России — никогда не было предметом специального рассмотрения.¹ Наблюдения, изложенные ниже, представляют собой шаг к постановке этой проблемы.

В Государственном архиве Российской Федерации в фонде Ростовцевых сохранился автограф следующего письма:

Виноват, что долго задержал ваши книги, любезный и почтенный Яков Иванович. Только что сегодня кончил последний том. Удивительны! И вот первые и последние стихи французские, которые они мне внушили.

Mensonge, calomnie, platte mechanceté;
Vous trouvez tout ici, hormi la verité.²

Благодарю вас за терпение, преданный вам

И. Крылов.³

Адресат этой записки Яков Иванович Ростовцев — генерал-майор, начальник Штаба по управлению военно-учебными заведениями, номинальным главой которого был великий князь Михаил Павлович. На него — человека, некогда дружившего с декабристами — в течение многих лет Николаем I была возложена задача воспитания молодого поколе-

¹ Изучались отдельные аспекты: крыловские тексты, высмеивающие галломанию русских дворян или связанные с Отечественной войной 1812 года; работа с лафонтеновской басней; переводы крыловских басен на французский язык.

² «Собрание злыхных враг и мерзостных клевет: / Найдете вы здесь все, но истины здесь нет» (пер. В. А. Мильчиной).

³ ГА РФ. Ф. 1155. Оп. 1. № 1140. Особенности орфографии французского текста сохранены. Внизу листа — карандашная помета неизвестной рукой: «Вероятно 1843 года».

ния русского офицерства в духе, исключавшем повторение подобных событий, что придавало ему политический вес и влияние, сопоставимое с влиянием министра народного просвещения С. С. Уварова. При этом Ростовцев уделял много внимания общему образованию и культурному развитию своих подопечных, сам редактировал «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», заботясь о том, чтобы в нем присутствовали не только военно-исторические и патриотические сюжеты, но и развивающие материалы и достойная литература, включая басни Крылова.

Женатый на дочери писателя Н. Ф. Эмина, Ростовцев сам в юности был не чужд сочинительству и, даже сделав карьеру военного администратора, продолжал приятельствовать с литераторами и журналистами. Несмотря на 34-летнюю разницу в возрасте, между ним и Крыловым давно уже сложились дружеские отношения. Вероятно, не без участия Ростовцева в начале 1834 года состоялась свадьба между его подчиненным — писарем, а затем аудитором Штаба военно-учебных заведений Каллистратом Савельевым и незаконнорожденной дочерью Крылова Александрой; в дальнейшем он неизменно покровительствовал зятю баснописца.

После выхода Крылова в отставку в 1841 году Ростовцев оказался ближайшим соседом писателя (его служебная квартира находилась в здании Первого кадетского корпуса, в нескольких сотнях метров от дома купца Блинова на 1-й линии Васильевского острова, где поселился баснописец) и по-сыновнему опекал старика. В 1843 году в подведомственной ему типографии Штаба военно-учебных заведений было напечатано последнее издание басен, выпущенное Крыловым на собственные средства. А 8 ноября 1844 года, накануне кончины, Крылов подпишет духовное завещание, назначив именно Ростовцева своим душеприказчиком.

Общение с Ростовцевым в последние годы жизни баснописца сделалось для него незаменимым, особенно после того, как в апреле 1843 года скончался его ближайший друг А. Н. Оленин. Если в Английском клубе он, по воспоминаниям современников, в основном дремал после трапезы или играл в триктрак — игру, не требующую умственного

напряжения,¹ то у Ростовцева баснописец находил необходимый ему интеллектуальный круг.

Почти наверняка можно утверждать, что книги, которые при этой записке возвращал Ростовцеву Крылов, — сочинение Астольфа де Кюстина «La Russie en 1839». Первое его издание вышло в Париже в мае 1843 года, второе, выпущенное вследствие ажиотажного спроса, — там же в ноябре; и то, и другое представляли собой четыре тома формата in-8°. Это было первое за много лет столь масштабное высказывание иностранца о России; что касается критицизма, то ничего подобного не появлялось уже более полувека.

Уже 1 июня 1843 года, едва книга Кюстина добралась до России, она была запрещена Комитетом цензуры иностранной, однако это лишь подхлестнуло интерес к ней. «La Russie en 1839» читали и обсуждали в петербургском, а затем и московском светском обществе, включая дружеские кружки самых высокопоставленных чиновников.

Сенсационная «запрещенка» заинтересовала и Крылова. Все четыре тома баснописец прочел, по-видимому, от доски до доски, хотя это и заняло у него, как можно понять из записки, продолжительное время. Это позволяет датировать ее довольно большим интервалом: с лета-осени 1843 года до, возможно, первых месяцев 1844-го.

«Крайне широкий разброс мнений — вот что прежде всего характеризует восприятие книги „La Russie en 1839“ как внутри русского общества в целом, так и внутри отдельных сословных и профессиональных корпораций», — отмечают современные исследователи². Впрочем, тех, кто признавал, хотя бы отчасти, справедливость критики маркиза, было не так много: абсолютное большинство русских читателей возмутила поверхностность, предвзятость и нескрываемое презрение к России.

¹ См.: И. А. Крылов в воспоминаниях современников / Вступ. ст., сост., подг. текста и комм. А. М. Гордина, М. А. Гордина. М., 1982. С. 67, 222, 250.

² Об этом см.: Мильчина В. А., Осват А. Л. Маркиз де Кюстин и его первые русские читатели: (Из неизданных материалов 1830–1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 111.

В том же русле лежит и отзыв Крылова. Примечательно, однако, что к лапидарному «Удивительны!» он счел нужным прибавить эпиграмматическое двустишие, да еще и на французском языке.

Крылов выучил французский еще в детстве. По его собственным рассказам, уже в 15- или 16-летнем возрасте он получил свой первый литературный гонорар не деньгами, а книгами — изданиями Расина, Мольера, Буало, разумеется, на языке оригинала.¹ Много позже, в середине 1800-х годов, его карьера баснописца начнется с переводов из Лафонтена. Известен его одобрительный отзыв о шедевре А. де Ламартина — сборнике «*Méditations poétiques*» (1820).² При этом Крылов, в отличие от большинства своих образованных современников, избегал использовать французский в качестве языка светской беседы. Известна лишь одна его французская реплика, записанная Ф. Ф. Вигелем. Она была произнесена в 1815 году и представляла собой вкрапление иноязычной идиомы в русскую речь.³ Уже в 1830-х годах Крылов был окружен такой мощной аурой национального достоинства, что, скажем, графиня С. В. Строганова запрещала своим гостям в его присутствии говорить на каком-либо языке кроме русского.⁴ Тем интереснее обнаружение французского двустишия, которое к тому же оказывается самым поздним из известных стихотворений Крылова.

До сей поры последним сочинением баснописца считалась надпись для надгробия Е. М. Олениной, датированная 6 января 1839 года. В дальнейшем он занимался лишь совершенствованием своих басен, готовя их к уже упомянутому изданию, которое и вышло в свет в конце 1843 года. Поэт, как известно, много сил отдавал отделке своих сочинений и был всерьез озабочен их качеством. «Графиня С. В. Строганова однажды спросила Крылова, зачем он не пишет более басен? — вспоминал гувернер ее внука Н. М. Колмаков. — „Потому, — отвечал Крылов, — что я более люблю, чтобы

¹ См.: И. А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 53, 193.

² См.: Там же. С. 198.

³ См.: Там же. С. 105.

⁴ См.: Там же. С. 261.

меня упрекали, для чего я не пишу, нежели дописаться до того, чтобы спросили, зачем я пишу“».¹

Французское же двустипшие вырвалось из-под его пера явно под воздействием сильной эмоции: скорее всего, дело было не только в патриотизме. Кюстин в своем обширном труде, претендующем на панорамное видение России, сосредоточил все внимание на политическом устройстве страны, почти совершенно игнорируя культуру. От литератора этого никак нельзя было ожидать. Практически все французские писатели, побывавшие или жившие в Петербурге до него, не упускали случая пообщаться с местными собратьями по перу и, вне зависимости от политических взглядов, отдавали должное успехам, которых Россия достигла на поприще просвещения.² А сам русский баснописец вызывал интерес любознательных путешественников как одна из культурных достопримечательностей Петербурга. Однако Кюстин не замечает существования не только Крылова, но и Публичной библиотеки. И хотя ему знакомы имена Пушкина и Лермонтова, в его глазах культура русского образованного общества остается насквозь подражательной, вторичной по отношению к европейской.

Невозможно представить себе ничего более не соответствующего воззрениям Крылова на тот же предмет. Все его многолетние труды, как и труды целого круга поэтов, художников, ученых, педагогов, издателей, артистов, объединенных вокруг фигуры А. Н. Оленина, были направлены на созидание русской национальной культуры как самобытной и одновременно европейской. Именно Крылов стал первым

¹ Там же. С. 263. Этот ответ, по-видимому, восходит к хрестоматийной реплике Катона Старшего в передаче Плутарха («Сравнительные жизнеописания»): «Когда иные изумлялись тому, что многим — недостойным этой почести — воздвигнуты статуи, ему же — нет, он отвечал: «Мне больше по душе вопрос „Почему нигде не стоят твои статуи?“, нежели „Почему они стоят?“» (пер. С. П. Маркиша). Неловкий галлицизм «я более люблю» = «j'aime mieux», трудно представимый в устах Крылова, скорее всего, привнесен мемуаристом, передавшим этот разговор, который мог вестись и по-французски.

² Об этом см.: *Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894)*. Paris, 1967. Не претендуя на полноту перечня, назовем в ряду этих литераторов Ж. де Сталь, Э. Дюпре де Сен-Мора, Ф. Ансело, П. де Жюльвекура, П. де Баранта, А. де Сиркура.

русским поэтом, получившим признание в Европе — залогом тому переводы его басен на французский, английский и немецкий языки и заинтересованные отзывы о нем иностранных авторов.¹ Само именование его баснописцем, в России закрепившееся уже в 1820-е годы, а затем подхваченное и за границей, ставило его наравне с другими великими наставниками человечества — Эзопом и Лафонтеном. Не случайно в годы, когда Кюстин работал над своей книгой, «общество ученых и литераторов» разных стран, готовя к изданию очередной том энциклопедического «*Dictionnaire de la conversation et de la lecture*», наряду с прочими «общими сведениями, необходимейшими для каждого», включило туда статью об Иване Андреевиче Крылове.²

Легко представить, каково было автору басни «Мартышка и Очки» читать, что русские «постоянно снедаемы желанием подражать другим нациям, и подражают они как обезьяны, оглуляя предмет подражания».³

Книга Кюстина задела Крылова за живое именно как крупнейшего деятеля национальной литературы; задела настолько, что ненадолго воскресила в нем тот пыл, который в былые годы побуждал его высказываться по другим значимым литературным поводам.

Он атакует Кюстина именно так, как принято атаковать в литературной среде — швыряет в него эпиграммой, для пущей доходчивости изложенной на языке, понятном противнику. Разумеется, это лишь игра. Вряд ли баснописец мог всерьез рассчитывать на то, что его (признаем, не совсем совершенные!) французские стихи дойдут до адресата. И однако же, эту его последнюю эпиграмму следует рассматривать в ряду других, в свое время имевших вполне серьезное применение.

Как ни странно, Крылов, известный своим едким остроумием, оставил совсем не много эпиграмм «на личности».

¹ См.: Бычков А. Ф. О баснях Крылова в переводах на иностранные языки // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1869. Т. 6. С. 81–109.

² *Dictionnaire de la conversation et de la lecture*. Т. 63 (11-ème du supplement). Paris, 1849. P. 389–390 (статья подписана литерой X).

³ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. М., 1996. Т. 1. С. 154.

Первая известная нам «адресная» эпиграмма баснописца: «Ты ль это, Буало?.. Какой смешной наряд!..» — была написана на перевод Д. И. Хвостовым поэмы Буало «L'Art poétique». Крылов сочинил ее, вероятнее всего, в 1808 году, когда злосчастный перевод вышел вторым изданием. Это было время самых острых сшибок и обмена стихотворными «любезностями» между ним и «певцом Кубры». Однако больше такое не повторится: в дальнейшем Крылов будет прибегать к эпиграмме как к оружию абсолютной убойной силы лишь в исключительных случаях, когда на кону будет стоять нечто большее, чем банальная борьба самолюбий.

Вторая эпиграмма появится только в 1819 году. На отдельном оттиске статьи Хвостова «Некоторые мысли о сущности басни» Крылов запишет двестише:

Полезен ли другим о басне сей урок —
Не знаю, а творцу бедняжке он не впрок!

В отличие от первой, получившей распространение задолго до публикации, эта надолго осталась под спудом, пока не была извлечена на свет биографом баснописца М. Е. Лобановым.¹ Между тем, это была не просто очередная насмешка над старым литературным противником. Предметом конфронтации здесь стала сама сущность того искусства, которому он посвятил себя и в котором Хвостов пытался претендовать на роль законодателя. В этот момент Крылов, слава которого росла день ото дня, уже мог позволить себе снисходительный тон по отношению к незадачливому конкуренту.

На следующий год баснописец разразится еще одной эпиграммой, которая снова будет передаваться из уст в уста. Он откликнется на полемику вокруг литературного дебюта Александра Пушкина («Напрасно говорят, что критика легка...»). Вся мощь своего уже очень значительного авторитета Крылов направит на защиту «истинного вкуса» против мелочных и глупых придилок, опошляющих поэзию.

И наконец, четвертая крыловская эпиграмма возникнет в конце 1834 года как устный экспромт, непосредственная реакция на скандал вокруг публикации в «Библиотеке для

¹ И. А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 73.

чтения» стихотворения М. Д. Деларю «Красавице» — перевода стихотворения Виктора Гюго «A une femme» («К женщине»). Она известна по дневниковой записи Пушкина, включающей пересказ его разговора с баснописцем:

Цензор Никитенко на обахте под арестом, и вот по какому случаю: Деларю напечатал в Библ.<иотеке> Смирдина перевод оды В. Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: Если де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои. Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. — Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! когда бы был ты бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.

Это всё равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадрили.¹

Стоит заметить, что собственно стихотворение «A une femme» имеет мало общего с этим ироническим резюме. По-видимому, в оригинале оно не было известно Пушкину; во всяком случае, в его библиотеке, богатой изданиями Гюго, сборник «Les feuilles d'automne» («Осенние листья», 1831), куда оно входило, отсутствует. Между тем сильнейшая неприязнь Пушкина к Гюго² сделала его идеальным собеседником для Крылова, с давних пор известного как обличитель легкомыслия французов и развращенности их нравов. Понравившийся Пушкину экспромт баснописца может быть прочитан как адресованный равным образом и переводчику, и автору оригинального стихотворения, поскольку «глупость» и безвкусица вложены в уста 23-летнего Деларю самим Гюго. Подобные карикатурные образы наставников-французов, пагубно влияющих на своих русских воспитанников, Крылов разрабатывал еще в своей прозе 1790-х годов; они оказались

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1949. Т. 12. С. 335.

² См.: Мильчина В. А. Пушкин и Виктор Гюго: Мстительный перевод из «Кромвеля» и «львиный рев» Мирабо // Мильчина В. А. «И вечные французы...»: Одиннадцать статей из истории французской и русской литературы. М., 2021. С. 35–39.

снова востребованы во второй половине 1800-х, а затем, казалось бы, ушли в прошлое. Однако баснописец и позже был не прочь при случае поиграть мотивами своего раннего творчества.

Впрочем, в глазах Крылова и записавшего его слова Пушкина показательная расправа, учиненная по доносу митрополита над Деларю и цензором А. В. Никитенко, пропустившим его стихи в печать, выглядела гораздо более удручающей, чем досадные, но безобидные «бредни», мелькнувшие на журнальных страницах. Вторжение мракобесия и произвола в суверенную область литературы, где должны властвовать лишь вкус и достоинство писателя, — вот настоящая беда. И Крылов выплескивает свое бессильное раздражение в гротескной картине, неожиданно напоминающей поэтику «капричос»: русский архиерей отплясывает французскую кадрили под дудку не то Деларю, не то Гюго...

Французская эпиграмма на книгу Кюстина — произведение столь же многоплановое, несмотря на лаконизм и кажущуюся незатейливость содержания. Сам факт того, что баснописец облек свое суждение в стихотворную форму, служит безошибочным маркером значимости для него той проблематики, которую затронул, пусть невольно, автор «России в 1839 году». Но не менее важна была, скорее всего, и эстетическая сторона дела, и, в конечном счете, этическая позиция французского писателя.

Баснописцу, исповедовавшему краткость и точность выбора художественных средств, должен был претить щегольской стиль Кюстина, навязчивое и утомительное жонглирование блестящими афоризмами, иной раз противоречащими друг другу. На это, в частности, жаловался добродушный москвич А. Я. Булгаков, сам склонный наблюдать и описывать отечественный быт и нравы: «Черт его знает, какое его истинное заключение: то мы первый народ в мире, то мы самый гнуснейший!»¹ Неопределенность авторской позиции, лишь внешне схожая с иронией, также не могла не вызы-

¹ Цит. по: Мильчина В. А., Осват А. Л. Маркиз де Кюстин и его первые русские читатели. С. 124 (письмо к П. А. Вяземскому от 22 декабря 1843 г.).

вать резкого отторжения у Крылова — подлинного ироника, подчинившего этой идее все свое творчество и даже бытовое поведение.

Как замечал Плетнев, «кроме эстетического суждения, у Ивана Андреевича об авторах были соображения другого рода. Он в каждом из них желал найти достоинство человеческое, то есть такие правила, такую жизнь, которые бы не только не стыдили авторской гласности, но и благоприятствовали бы ей. Он говорил, что отделение дарования от нравственного достоинства в одном и том же лице несовместно с гражданской жизнью».¹ Столь строгим критериям Кюстин с его двусмысленной репутацией и отсутствием эмпатии к той стране, которую он взялся описывать, никак не соответствовал.

Похоже, то возмущение, которое Крылов испытал во время чтения «*La Russie en 1839*», всерьез всколыхнуло в нем антифранцузские настроения времен его молодости. Об этом свидетельствует история, случившаяся, по словам Плетнева, в 1844-м — в последний год жизни Крылова. Баснописец, которому была прислана для ознакомления та самая статья для энциклопедического словаря «*Dictionnaire de la conversation et de la lecture*», наотрез отказался ее читать. «„Пускай пишут обо мне, что хотят“, — сказал он, откладывая бумаги, — и, только уступив усиленным просьбам бывших при этом свидетелей, внес туда несколько заметок».²

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бычков А. Ф.* О баснях Крылова в переводах на иностранные языки // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1869. Т. 6. С. 81–109.

¹ И. А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 199.

² Там же. С. 232. Предположительно датировать этот эпизод позволяет курьезная ошибка в печатной версии статьи: там сказано, что Крылов скончался 11 (21 <sic!>) апреля 1844 года (см.: *Dictionnaire de la conversation et de la lecture*. Т. 63. Р. 389). В действительности смерть настала баснописца на семь месяцев позднее — 9 (21) ноября того же года. Возможно, апрельская дата была проставлена на гранках статьи самим Крыловым в день ее вычитки.

2. *Мильчина В. А.* Пушкин и Виктор Гюго: Мстительный перевод из «Кромвеля» и «львиный рев» Мирабо // Мильчина В. А. «И вечные французы...»: Одиннадцать статей из истории французской и русской литературы. М., 2021. С. 34–48.
3. *Мильчина В. А., Осповат А. Л.* Маркиз де Кюстин и его первые русские читатели: (Из неизданных материалов 1830–1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 107–138.
4. *Corbet Ch.* A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris, 1967.

REFERENCES

1. *Bychkov A. F.* O basnjakh Krylova v perevodakh na inostrannye jazyki // Sbornik statej, chitannyh v Otdelenii russkogo jazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk. SPb., 1869. T. 6. S. 81–109. (In Russ.)
2. *Corbet Ch.* A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris, 1967.
3. *Mil'china V. A.* Pushkin i Viktor Gjugo: Mstitel'nyj perevod iz «Kromvelja» i «l'vinyj rev» Mirabo // Mil'china V. A. «I vechnye francuzy...»: Odinnadcat' statej iz istorii francuzskoj i russkoj literatury. M., 2021. S. 34–48. (In Russ.)
4. *Mil'china V. A., Ospovat A. L.* Markiz de Kjustin i ego pervye russkie chitateli: (Iz neizdannyykh materialov 1830–1840-h gg.) // Novoe literaturnoe obozrenie. 1994. № 8. S. 107–138. (In Russ.)